

DOI: 10.54631/VS.2023.2-475371

ИСТОРИЯ НГУЕН ЧАЯ И НГУЕН ТХИ ЛО В РАССКАЗЕ НГУЕН ХЮИ ТХИЕПА «НГУЕН ТХИ ЛО»

Т. Н. Филимонова¹

Аннотация. Статья посвящена истории отношений великого вьетнамского государственного деятеля и литератора Нгуен Чая (1380–1442) и одной из его наложниц по имени Нгуен Тхи Ло, той роли, которую Нгуен Тхи Ло сыграла в жизни Нгуен Чая, а также интерпретации образа Нгуен Чая в рассказе. Во Вьетнаме история этой любви широко известна, она живет в преданиях, зафиксирована в исторической и художественной литературе, отражена в театральных пьесах и т. д. Именно с ней связана трагическая смерть Нгуен Чая и Нгуен Тхи Ло.

Основываясь на подлинных исторических событиях с участием подлинных исторических личностей, писатель в своих литературных фантазиях делает основной упор на непонимание окружающих и одиночество крупной исторической личности, а также слабость художника, каким был Нгуен Чай, перед рациональной природой политика.

Ключевые слова: Вьетнам, рассказы Нгуен Хюи Тхиепа, Нгуен Чай, Нгуен Тхи Ло

Для цитирования: *Филимонова Т. Н.* История Нгуен Чая и Нгуен Тхи Ло в рассказе Нгуен Хюи Тхиепа «Нгуен Тхи Ло» // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 2 S. С. 146–153.

THE HISTORY OF NGUYEN TRAI AND NGUYEN THI LO IN THE STORY BY NGUYEN HUY THIEP «NGUYEN THI LO»

T.N. Filimonova²

Abstract. The paper is dedicated to the love story of Nguyen Trai (1380–1442), the famous Vietnamese statesman and poet, and Nguyen Thi Lo, one of his concubines, and the interpretation of their love in the story by Nguyen Huy Thiep. This story is very well known in Vietnam due to the both lovers' tragic death.

Basing on the truly historical events and historical heroes the author in his literary fantasies emphasized Nguyen Trai's solitude and his weakness as a poet in comparison with rational nature of politicians.

Keywords: Vietnam, stories by Nguyen Huy Thiep, Nguyen Trai, Nguyen Thi Lo

For citation: Filimonova T.N. (2023) The history of Nguyen Trai and Nguyen Thi Lo in the story by Nguyen Huy Thiep "Nguyen Thi Lo". *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 7 (2 S): 146–153.

¹ Филимонова Татьяна Николаевна, к. филол. н, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

² Filimonova Tatyana N., Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. ORCID: 0000-0001-7136-3173. E-mail: glasha.48@mail.ru

Введение

Рассказ «Нгуен Тхи Ло» («*Nguyễn Thị Lộ*») известного вьетнамского писателя Нгуен Хюи Тхиепа (1950–2021) – это, прежде всего, повествование о любви между великим вьетнамским государственным деятелем, военачальником, дипломатом, а также поэтом и прозаиком Нгуен Чаем (1380–1442) и одной из его наложниц Нгуен Тхи Ло (?–1442), точнее говоря, об их встрече и роли Нгуен Тхи Ло в его жизни. Во Вьетнаме история этой любви широко известна, она живет в преданиях, зафиксирована в исторической и художественной литературе, отражена в пьесах театра *тео*, *кайлыонг* и разговорной драмы, а также в кинодокументалистике и т. д. Именно с этой историей связана трагическая смерть как Нгуен Чая, так и самой Нгуен Тхи Ло.

Жизнь Нгуен Чая с разной степенью подробностей отражена во многих самых разных работах на вьетнамском языке. Кратко о ней можно сказать следующее. Он родился в 1380 г. в пров. Хадонг (сейчас территория Ханоя). Его отцом был Нгуен Ынг Лонг (1355?–1428?), выходец из простолюдинов, который в 1374 г. успешно сдал конкурсные экзамены. Мать Нгуен Чая была одной из дочерей члена императорской семьи и крупного чиновника при династии Чан Чан Нгуен Дана, которая обучалась у Нгуен Ынг Лонга. Молодые люди полюбили друг друга и с согласия Чан Нгуен Дана поженились. Одним из их сыновей был Нгуен Чай. Однако из-за неравного брака отца Нгуен Чая не брали на чиновничью службу. После смерти тестя в 1390 г. Нгуен Ынг Лонг изменил имя на Нгуен Фи Кхань. Когда к власти пришел Хо Куи Ли (1336–1407?, правил в 1400–1401 гг.), Нгуен Фи Кхань был допущен к службе. В 1400 г. конкурсные экзамены сдал и его сын Нгуен Чай, который также начал служить династии Хо. В 1407 г. династия Хо пала под натиском завоевателей китайской династии Мин, и Нгуен Фи Кханя принудили отправиться в Китай. Нгуен Чай и его младший брат, как почтительные сыновья, последовали за ним, но отец велел Нгуен Чаю вернуться, чтобы помогать освобождению страны. Однако Нгуен Чай был схвачен китайцами и посажен в тюрьму. В 1417 или 1418 г. ему удалось бежать, после чего он оказался в Ламшоне, где присоединился к восставшим под предводительством Ле Лоя, будущего основателя новой вьетнамской династии Поздние Ле (1428–1789). Став соратником и помощником Ле Лоя, в течение десяти лет он написал ныне утерянное произведение «Тактика умиротворения китайцев» («*Bình Ngô sách*»), а также от имени Ле Лоя целый ряд других дошедших до нас произведений, в том числе и знаменитое «Воззвание по случаю умиротворения китайцев» («*Bình Ngô đại cáo*», 1428). При новом императоре Ле Тхай-то (Ле Лое) из-за противоречий внутри императорского двора положение Нгуен Чая осложнилось, более того, он даже на некоторое время был заключен в тюрьму, но особенно оно ухудшилось после смерти императора и восшествия на престол его преемника – императора Ле Тхай-тонга. Не видя понимания со стороны молодого и неопытного правителя, Нгуен Чай решил удалиться от дел и поселился в Коншоне, родовом имении своего деда по матери. Однако в 1434 г. молодой император вновь призвал его на службу, которая в 1442 г. завершилась трагедией, о которой чуть ниже.

Про Нгуен Тхи Ло достоверных сведений крайне мало, а главное – в том, что известно, множество разночтений³, поскольку, как правило, все они основаны на преданиях, устных и часто неподтверждённых источниках, в которых трудно отделить правду от вымысла, иногда фантастического. Так, считается, что она была родом из деревни Хай Хо (нынешнее название Хой) в провинции Тхайбинь. Её отец Нгуен Винь, потомственный конфуцианский учёный, занимался преподаванием и врачеванием, а мать искусно ткала циновки из сыти, которыми

³Сведения о Нгуен Тхи Ло взяты из [Nguyễn Ngọc Hiên 2005: 109–128].

славилась деревня, и сама продавала их на рынках. По одному из преданий, однажды именно по дороге на рынок она и родила дочку. Якобы отец, вдохновившись этим фактом, решил дать дочери имя Ло, что по-китайски значит «путь, дорога». Видя любознательность и способности дочери, уже в шесть лет отец разрешил ей учиться в своей школе. К восьми-девяти годам Нгуен Тхи Ло прекрасно знала Четверокнижие и Пятикнижие, историю Китая и своей страны, хорошо сочиняла стихи как на китайском, так и на вьетнамском. Кроме того, она интересовалась врачеванием и изготовлением лекарств, а также традиционной китайской нумерологией. После смерти родителей ей в молодом возрасте пришлось перебраться к родственникам в столицу Тханглонг, где она занялась плетением и продажей циновок.

Есть ничем не подтверждённое предположение, что именно за свою образованность Нгуен Тхи Ло была приглашена в императорский дворец самим Ле Лоем, уже императором Ле Тхай-то, для занятий с дворцовыми детьми, жёнами и наложницами. Таким образом, император Ле Тхай-тонг знал её с детства, потому что она была и его гувернанткой. Тогда не стоит удивляться, что позднее в свое правление, когда она уже стала наложницей Нгуен Чая, он решил пригласить её во дворец в качестве *ngři lĩ học sĩ* – чиновницы при дворе, отвечающей за образование. Последний факт отражен в летописях и не подлежит сомнению.

Когда Нгуен Чай и Нгуен Тхи Ло встретились и поженились, точно не известно. Но известно, что в 1442 г. император Ле Тхай-тонг, возвращаясь из поездки в Хайзыонг, заехал в Коншон, в имение Нгуен Чая, где встретил Нгуен Тхи Ло, удалившуюся вслед за мужем от дел, и решил взять с собой в столицу, поскольку испытывал к ней большую симпатию. По дороге он остановился на ночёвку и неожиданно умер. Нгуен Тхи Ло обвинили в том, что это она отравила императора, выполняя коварный замысел Нгуен Чая. В результате Нгуен Тхи Ло была казнена (по одной из версий, покончила жизнь самоубийством), а Нгуен Чай подвергся ещё более суровому наказанию – он был казнён вместе с представителями трёх поколений своего рода.

В «Полном собрании исторических записок Дайвьета» об этой истории говорится следующее: «Двадцать седьмой день (1 сентября). Император отправился с инспекцией на восток, чтобы произвести смотр войск в крепости Тъилинь. Нгуен Чай пригласил императора по дороге заехать в монастырь Коншон на родине Нгуен Чая. <...> «Восьмая луна. Четвертый день (7 сентября). Император, возвращаясь, добрался до парка (деревьев) личжи в уезде Зядинь, вдруг его поразил злой недуг, и он опочил. До этого император любил жену начальника-*тхыати* (академии Ханлам) Нгуен Чая – Нгуен Тхи Ло за прекрасный облик и литературные таланты, призвал к себе, назначил учёным-*хокиши* по церемониям и этикету, днем и ночью держал в услужении. Когда после инспекции на восток император прибыл в парк [деревьев] личжи [в общине] Дайлай на реке Тхиендык, то вместе с Нгуен Тхи Ло не спал всю ночь и опочил. Чиновники сохранили это в тайне.

Шестой день (9 сентября). Прибыли в столицу, глубокой ночью вошли во дворец и только тогда объявили траур. Все говорили, что это Нгуен Тхи Ло убила императора» [Полное собрание... 2014: 232–233]. После чего последовала казнь супругов.

Это произошло в 1442 г., а в 1464 г. при императоре Ле Тхань-тонге Нгуен Чай был реабилитирован, а вместе с ним и Нгуен Тхи Ло. В Ханое (район Тханьчи) даже есть храм, где раз в год, в 16-й день 8-й луны по лунному календарю, поклоняются её духу, а в г. Хошимине – улица, названная в её честь. Однако о реальных обстоятельствах смерти императора Ле Тхай-тонга, также как и о причастности к ней Нгуен Чая и Нгуен Тхи Ло, неизвестно до сих пор.

Версия истории в рассказе Нгуен Хюи Тхиэпа

В своём рассказе Нгуен Хюи Тхиеп, как всегда в своих исторических произведениях, посвящённых подлинным историческим личностям и событиям, фантазирует на тему любви между Нгуен Чаем и Нгуен Тхи Ло. Это даёт ему возможность по-своему рисовать образы великого Нгуен Чаю и его возлюбленной, попутно рассуждая и на другие темы.

Например, в народных преданиях, зафиксированных и в письменных источниках, живёт история первой встречи Нгуен Чаю и Нгуен Тхи Ло. Они различаются друг от друга деталями, например, в каком конкретно месте произошла встреча или в какое время. Но суть их следующая. Однажды Нгуен Чай встретил симпатичную девушку, продающую циновки у дороги, по виду не простолюдинку. Она ему приглянулась и, желая познакомиться, он обратился к ней с импровизированным четверостишием на вьетнамском языке следующего содержания (в разных источниках стихи тоже могут незначительно отличаться друг от друга и даже содержать меньшее количество строк):

- À ở đâu ta bán chiếu gon?
- Chẳng hay chiếu ấy hết hay còn?
- Xuân xanh nay độ bao nhiêu tuổi?
- Đã có chồng chưa? Được mấy con?

- Откуда ты, красавица, продающая циновки из сыти?
- И есть ли они ещё у тебя или кончились?
- Сколько тебе в твою молодую пору лет?
- И есть ли у тебя муж и сколько детей?

На что девушка ответила ему также импровизированным следующим четверостишием:

- Tôi ở Hải Hồ bán chiếu gon
- Can chi ông hỏi hết hay còn
- Xuân xanh mới độ hai mươi tuổi
- Đã có chồng đâu, hỏi mấy con!

Я сама из Хайхо.

А зачем вы спрашиваете, есть ли они ещё или кончились?

Мне только двадцать лет.

И нет у меня никакого мужа, а тем более детей!

[Nhu Hiền 2005: 112–113].

Само по себе это стихотворение, имеющее форму четырёхстрочного семисложника (если оно действительно сочинено Нгуен Тхи Ло), свидетельствует о том, что девушка, то есть Нгуен Тхи Ло, была знакома с основами китайского стихосложения, использовавшегося во Вьетнаме, и даже с правилами коллективного сочинительства стихов. В данном случае имеется в виду обмен стихотворными посланиями между двумя собеседниками (вьет. *xương họa*), когда первый участник диалога обращается ко второму в стихотворной форме (*xương*), а второй ему отвечает (*họa*), причём в том же стихотворном размере. В традиционном Вьетнаме эта поэтическая забава была широко распространена среди образованных вьетнамцев наряду с некоторыми другими формами коллективного сочинительства, впрочем, пришедшими в страну вместе с китайской системой образования и конкурсными экзаменами, на которых

конкурсанты должны были в обязательном порядке демонстрировать своё умение сочинять стихи, параллельную прозу и т. п.

В народной памяти именно так произошло знакомство Нгуен Чая и Нгуен Тхи Ло. По рассказу же Нгуен Чай встречается с Нгуен Тхи Ло случайно одним осенним днём в придорожной харчевне, при этом она уже служит при дворе. И эта встреча меняет его жизнь: «На мгновение сердце его остановилось. Прежний человек в нём умер. Но через мгновение он вернулся к жизни и начал превращаться в другого человека» (с. 446)⁴. Встреча потрясает его, хотя он и не знает ещё, что «судьбы их связаны воедино», связаны самим Создателем. Как говорит писатель: «Но где-то далеко-далеко в бескрайнем космосе в этот момент улыбался Создатель» (с. 48). Дальнейшее общение и достоинства Нгуен Тхи Ло, которая понимает величие Нгуен Чая и в то же время его неуверенность в себе, внутреннюю незащищенность, приводят к настоящей любви и, в конце концов, к браку. Такова общая канва этого короткого (всего 14 страниц) рассказа.

Нгуен Чай показан Нгуен Хюи Тхиепом уже умудрённым жизнью человеком, важным государственным мужем, пережившим много как взлетов, так и падений, и, хотя он занимает при дворе высокое положение, признания и понимания так и не находит: «У него почти не было друзей, не было родственных ему душ» (с. 450). Или: «Нгуен рано, ещё в детстве, понял свою чужеродность толпе. Он чувствовал себя словно картофель среди батата, словно арахис в кунжуте. Он был сделан из другого материала и одинок даже с себе подобными» (с. 453). Или: «Он был одинок в этой жизни, подобно планете или неожиданному ветерку» (с. 455).

В рассказе, когда в харчевне Нгуен Чай обращает внимание на Нгуен Тхи Ло, ему кажется, что он её знает, но перебрав в памяти события своей жизни, так и не может вспомнить, где и когда её встречал: «Где? Когда? Нгуен напряг память... Вероятно, очень давно. Когда ещё находился в утробе матери, он видел это лицо. Воспоминания проносились в его голове, подобно молнии. Но он ничего не припоминал. Такого лица не было. Дом у реки... Угол Южной крепости, маленький шалаш... Долгий путь в лесу... Первая встреча с Ле Лоем... Ночи у светильника, когда он писал “Бинь Нго шать”... Торжественная клятва в Ламшоне... Трудные военные походы... Проводы китайского военачальника Ван Туна... Первый пир во дворце Киньтхиен... Дни, проведённые в заточении... Нет, такого лица не было» (с. 447).

Взгляд Нгуен Чая постоянно устремляется в сторону Нгуен Тхи Ло, и наконец он подходит к ней знакомиться. Её имя ни о чём ему не говорит, но ему кажется, что от Нгуен Тхи Ло исходит какой-то «чудесный свет». Придя впервые к ней в гости, он понимает, что она не похожа на других женщин, прежде всего, свободой от «общественных предрассудков и обычных светских правил», то есть не похожа своей естественностью. Среди прочего о ней говорится: «Она не была скована образованием или добродетельностью, так же как не была стеснена своим нижним бельем. Она была чиста, спокойна и тверда» (с. 449). Во время разговора он не перестает удивляться её «необычному уму», потому что она думает и рассуждает как бы в унисон с ним, более того, помогая ему понять себя.

Вначале Нгуен Тхи Ло не очень хорошо понимает, что Нгуен Чай пытается найти в ней, и просто «ценит его, как человек ценит редкое животное, например, уникального носорога с двумя бивнями». Но в результате к ней приходит осознание, что к ней его привела «безнадёжная любовь к человеку, благородная, великодушная и одновременно основанная на

⁴ Все цитаты из произведений Нгуен Хюи Тхиепа даются по: [Nguyễn Huy Thiệp 2003]. В круглых скобках указаны страницы.

его жизненном опыте» (с. 457), а ещё неуверенность в себе и одиночество. От этого одиночества она его и спасает.

Общение с Нгуен Тхи Ло помогает Нгуен Чаю многое понять, в том числе и в самом себе: «После встречи с Нгуен Тхи Ло Нгуен стал жить напряжённее и строже. Он пересмотрел всего себя и нашёл много слабостей и в жизни духа, и в организации своей жизни вообще. Только сейчас он смог наконец понять сущность тех событий, которые произошли с ним и со всей династией» (с. 454).

Мы узнаём о Нгуен Чае как о государственном деятеле и мыслителе, каким его видит писатель. В рассказе говорится: «Раньше, составляя “Тактику умиротворения китайцев” для государя-усмирителя Ле Лоя, он выдвинул идеи человеколюбия и справедливости (*nhân nghĩa*). Он считал их плотью и кровью народа, основой отношений между людьми. Он весь был устремлен к абсолюту. Однако именно его взгляды оказались однобоки и, более того, утопичны. Ле Лой был более трезв, он увидел, что Нгуен попал в западню собственных идей. Ле Лой знал, что эти идеи подходят для начала, как знамя, но они неконкретны, их трудно претворять в жизнь. Более того, подобное знамя хорошо только тогда, когда народ материально бедствует. Ле Лой оказался более велик, чем Нгуен Чай, потому что был большим реалистом по отношению к жизни. Нгуен с его врожденным богатым воображением рисовал себе коллективные трагедии, в то время как Ле Лой твердо знал, что существуют только трагедии личные, трагедии каждого человека в отдельности, и не иначе. Нгуен верил в массы, а Ле Лой верил в то, что только исключительная личность может заставить “бродить” историю. Ле Лой хорошо понимал, что Нгуен может созидать и разрушать, но он не может удерживать ситуацию. Чтобы удерживать ситуацию, требуется редкостная, даже гениальная глупость» (с. 450). Иными словами, гуманистические, человеколюбивые взгляды Нгуен Чае были непрактичны и утопичны, что он и сам понял, понял и «...испугался своих иллюзорных мечтаний. Нгуен понимал все трудности осуществления *дао*. Беда в том, что это всего лишь неопределённое слово. Именно от этого происходят все неприятности. Сам Конфуций считал, что человек служит чиновником, чтобы выполнять долг, а не осуществлять *дао*» (с. 454–455).

С подобным противопоставлением политика и поэта мы встречаемся у писателя в рассказе «Золото и огонь» (*Vàng lửa*), где, с одной стороны, император *Зя-лонг* (1762–1820), а с другой, – великий поэт Нгуен Зу (1765–1820). В рассказе через рассуждения вымышленного героя, французского миссионера Перье, писатель даёт нам понять, что такие люди, как Нгуен Зу, не должны заниматься государственными делами, потому что они, хотя и любят свой народ, ничего не смыслят в политике. Например: «Нгуен Зу принимал близко к сердцу страдания каждого отдельного человека, но не мог понять трагедии своего народа» (с. 212). Имеется в виду его отсталость и нищенское существование. Или: «Он (Нгуен Зу) не ставил себя выше народа, не получал больше, чем народ, иными словами, он совершенно ничего не понимал в политике... Его любовь к народу была маленькой, не способной кого-либо спасти» (с. 213). *Зя-лонг* же, изменив вектор развития вьетнамской истории от Китая в сторону Запада, обладал «любовью большой», «любовью политика», которая заключается не только в том, «чтобы сделать добро для отдельного человека», но и в том, чтобы привести в движение все общество.

Действие рассказа «Нгуен Тхи Ло» происходит во времена правления императора Ле Тхай-тонга, и вот как писатель характеризует это время и императорский двор: «Нельзя сказать, что в правление императора Ле Тхай-тонга Нгуен Чаю жилось спокойно. Молодой император рано получил власть, не имел жизненного опыта и любил одну лесть. Ле Нган, Ле Шат, Ле Ван Линь, Ле Хи ... все были бывшими бродягами, управлявшими страной с помощью интриг, а не исходя из *дао* и закона. К тому же собравшиеся вокруг мерзавцы, вроде Лыонг

Данга и Ха Данг Дака, своей лестью способствовали безграничному росту честолюбия правителя. Дворцовая аристократия всего лишь во втором поколении по образу жизни была ещё совершенно деревенской и не обладала соответствующей духовной жизнью, не отличая правду от лжи, истинное от мнимого. Более того, не сформировалось осознание необходимости строить управление, опираясь на конфуцианские устои (*kỳ cương*), *dao* и справедливость (*đạo nghĩa*). Двор был похож на сборище разбойников, где-то разводили костер, где-то варили рис, где-то сражались на мечах, а указы писались для развлечения. Лица государственных мужей отличались полной неподвижностью, выражавшей крайний застой политического духа. Молодёжь же, на лицах которой читалось всякое отсутствие образования, жаждала лишь наслаждений.

Нгуен жил тихо. То в Коншоне, то в столице, но нигде он не чувствовал себя спокойно. Хотя в душе у него все бурлило, он старался избегать ситуаций, где нужно было проявлять себя. Ведь со всех сторон его поджидали стрелы враждебной зависти» (с. 456).

Понятно, что в таком окружении Нгуен Чай чувствовал себя одиноко.

А вот как видит Нгуен Чая Нгуен Тхи Ло: «Он был художником (*nhà duy mỹ*), прежде всего художником. Мораль художника опасна и чревата страданиями, но она глубока и честна, и определённо в тысячу раз дороже наглой морали, идущей от ума, которая свойственна порядку толпы» (с. 450). Поэтому «Нгуен Тхи Ло ясно осознавала ценность Нгуен Чая как человека. Она чувствовала все его душевные терзания. Она знала, что он, неистово и одновременно безнадежно, далеко опережает мировоззрение своих современников» (с. 456).

В публицистике Нгуен Хюи Тхиепа есть статья под названием «Дороги литературы» («*Cơn đường văn học*»), написанная ещё в 1992 г. В ней мы находим слова, очень созвучные видению Нгуен Тхи Ло Нгуен Чая как незаурядного человека. Вот они: «Одиночество, одиночество, всё большее одиночество – вот путь святых (*thánh nhân*). Они преследуют свои безнадежные идеи, не обращая внимания на понимание или отсутствие понимания со стороны других. Они всегда устремлены вперед» (с. 744). То есть, как Нгуен Чай, «далеко опережают мировоззрение своих современников».

Интересно, что во Вьетнаме существует и хорошо известно предание, также имеющее некоторые расхождения, которое по-своему объясняет ту роковую роль, которую Нгуен Тхи Ло сыграла в жизни Нгуен Чая. По этому преданию, Нгуен Тхи Ло была воплощением змеи, мстившей роду Нгуен Чая. Однажды ночью отцу Нгуен Чая Нгуен Фи Кханю (самому Нгуен Чаю) во сне явилась женщина с детьми, которая слёзно умоляла его не начинать на следующее утро работы в саду, чтобы дать ей возможность перебраться на другое место. Но когда Нгуен Фи Кхань встал, ученики сказали ему, что уже обработали сад. Во время работы им попалась змея, которой они отрубили хвост да ещё раздавили несколько змеиных яиц. Через некоторое время, когда Нгуен Фи Кхань (сам Нгуен Чай) читал книгу, на балку дома неожиданно выползла змея с отрубленным и кровоточащим хвостом. С хвоста на книгу упала капля крови, прямо на иероглиф *đại* 大, схожий с иероглифом *đời* 代, то есть «поколение» (или иероглиф *tộc* 族, то есть «род»), и кровь просочилась через три страницы. Тогда Нгуен Фи Кхань (Нгуен Чай) понял, что это – плохое знамение, что беда ждёт три поколения его рода⁵. По преданию Нгуен Тхи Ло и была той самой змеей. Убив императора, она свалила вину на Нгуен Чая и, вновь обернувшись змеей, исчезла в водоеме. В результате смерть пришла не только к нему, но и к трём поколениям его потомков, поскольку, как говорится в предании, кровь просочилась через три страницы.

⁵ См., например, биографический очерк: [Trúc Khê 1953: 128–129].

Если предание о первой встрече героев никак не отражено в рассказе Нгуен Хюи Тхиэпа, то второе присутствует в виде одной фразы, правда, не в основном тексте, а в отрывке из первого варианта, не вошедшем в него. Отрывок в целом посвящён Нгуен Тхи Ло: «У неё были большие глаза, смуглая кожа и большой рот. Она сдерживала в себе страсть и похоть. Наверняка до Нгуена она любила и испытывала страх. Нгуену нравился её смех, смелая и в то же время изысканная манера поведения. В прошлой жизни она была змеей, с сухой кожей и очень ядовитой» (с. 708). Кстати, среди вьетнамских суеверий есть такое: «Если у женщины большой рот, жди разорения дома» (Đàn bà miệng rộng tan hoang nhà cửa). Видимо, этот первоначальный отрывок в результате не совпал с концепцией образа Нгуен Тхи Ло в окончательном варианте рассказа. Хотя, по рассказу, у Нгуен Чая было предчувствие, что связь с Нгуен Тхи Ло сулит ему беду.

Главный герой рассказа – Нгуен Чай, это очевидно из текста, а назван рассказ именем Нгуен Тхи Ло. Видимо, сделано это автором не без умысла. Нгуен Чай запечатлён в момент счастья, счастья от встречи с человеком, который его понимает. Но читатель, по крайней мере, вьетнамский хорошо знает, что скоро это счастье обернется трагедией. И это значительно усиливает эмоциональное воздействие на читателя, вызванное тем, что и как написал автор.

Заключение

Уникальность человеческой судьбы и величие Нгуен Чая писатель подчёркивает в конце рассказа фразой: «За эти 500 лет ни у одного человека не было такой странной судьбы, как у него» (с. 458). В целом же этим рассказом писатель хотел выразить, что, во-первых, великий человек часто одинок, потому что опережает свое время, и, во-вторых, что поэт – не политик, у него другая система ценностей, жизненных ориентиров, и его художническая натура, полная любви к людям, непременно терпит поражение перед рациональной природой политика, для которого «цель оправдывает средства».

Выражаю искреннюю благодарность д-ру ист. наук А. Л. Федорину за ценные исправления и подсказки.

Список литературы

Полное собрание исторических записок Дайвьета. М.: Наука – Восточная литература, 2014. Т. 5 / пер. с ханвьета, коммент., вступ. статья и прил. А.Л. Федорина. (Памятники письменности Востока. СХХХ, 5).

Nguyễn Huy Thiệp. Truyện ngắn [Нгуен Хюи Тхиэп. Рассказы]. Тр. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ, 2003. (На вьет. яз.)

Nguyễn Ngọc Hiến. Nữ sĩ Việt Nam [Нгуен Нгок Хиен. Образованные женщины Вьетнама]. Тр. Hồ Chí Minh: Nxb. Thanh niên, 2005. (На вьет. яз.)

Trúc Khê. Nguyễn Trãi [Чук Кхе. Нгуен Чай]. Hà Nội: Trúc Khê thư xã xuất bản, 1953. (На вьет. яз.)

References

Nguyễn Huy Thiệp (2003). *Truyện ngắn* [Nguyen Huy Thiep. *Short stories*]. Тр. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ. (In Vietnamese)

Nguyễn Ngọc Hiến (2005). *Nữ sĩ Việt Nam* [Nguyen Ngoc Hien. *The educated women of Vietnam*]. Тр. Hồ Chí Minh: Nxb. Thanh niên. (In Vietnamese)

Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Daiviet [The complete collection of Daiviet's historical chronicals] (2014). Т. 5. М.:_Nauka – Vostochnaya literatura_(In Russian)

Trúc Khê (1953). *Nguyễn Trãi* [Truc Khe. *Nguyen Trai*]. Hà Nội: Trúc Khê thư xã xuất bản. (In Vietnamese)